Глубокоуважаемый Дмитрий Сергеевич!

1. В одном из своих интервью Вы высказались в том смысле, что не следует что-либо менять на Красной площади Москвы в отношении состоявшихся там захоронений за последние 74 года.

Следовательно, нам надо признать почитаемыми тех лиц, которые обманули народ русский, и продолжать чтить память о них и об их деяниях? И это (сохранение таких ПОЧЁТНЫХ захоронений) должно продолжаться, несмотря на такие открывшиеся теперь факты, как опубликованные в ЛГ № 46 за 1991 г., 20 ноября: «Старая площадь... в Париже», где говорится, что номенклатура КПСС грабила наш народ? Ещё в 1979 г. во Франции была опубликована книга Жана Монтальдо «Секреты советского банка в Париже».

В кинофильме Абуладзе «Покаяние» показано, как палача несколько раз выкапывают и выбрасывают из могилы. И это есть художественный факт, рисующий психологическое состояние сознания народа... эпохи!

Превосходная степень цинизма выражалась в том, что деятели Политбюро вещали нам о коммунизме, а тем временем переводили за границу наши деньги на свои счета через советский банк в Париже и разрушали нашу страну, поддерживая за наш счёт коммунистов и коммунистические режимы во всём мире. Теперь мы должны (с той же степенью цинизма) делать вид, что НИЧЕГО беспрецедентного и аморального не происходило, и сохранять почёт и почётные захоронения этих безответственных и аморальных деятелей верхушки КПСС?

Англичане в своё время опомнились и подвергли останки О. Кромвеля акту казни через повешение в знак осуждения его морали и политики. Французы не поставили ни одного памятника Робеспьеру. Нам же предлагают (видимо, в знак утверждения представления о России как «стране дураков») сохранить на Красной площади почётные захоронения кретинов, циников и аморальных типов, принесших народу столько зла и несчастий, что этому нет сравнения в истории! Болгары перестали намавзолеивать дух народа.

Не может быть суждений, отвлекающихся от исторических требований времени, если эти суждения хотят претендовать на истинность своего содержания. И сегодня как раз это должно быть очень остро ощущено: сегодня было бы допустимо ничего не менять с мемориальными местами на Красной площади, если бы там были похоронены исторически ответственные личности, то есть такие, которые не себя любили бы в сфере политики и власти, а – истину в своей политике и власти и были бы, следовательно, теоретически *компетентными* в вопросах о том, **что** исторически необходимо было делать, имея власть, и **как**, **каким способом** в социально-культурном отношении это должно было делаться. Но ведь ничего же подобного не было!

Постулат: «быть способным к ответственности» – вот ТО, что делает невозможным сохранение захоронений на Красной площади, ибо НИКТО из упокоенных там НЕ БЫЛ СПОСОБНЫМ к ответственности перед страной, народом и историей.

«– Сначала надо ввязаться в серьёзный бой, а там уж видно будет», – читаем мы в Полном собрании сочинений В.И. Ленина, т. 45, с. 381.

Что это? Разве это свидетельствует об исторической ответственности и о теоретической компетентности?! Это же – вопиющий авантюризм!

Признавать, что «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм» (см. там же, с. 380), называя это «бесспорным положением» (там же), и утверждать, что «никто не может сказать, каков именно... определённый уровень культуры» (с. 381), при котором возможен социализм и, не зная этого решающего ориентира, устремлять страну к мифическому социализму, – разве это не авантюризм?!

И ещё один «перл»: оказывается, что компенсировать недостаток культуры и цивилизации В.И. Ленин полагал путём негативных акций «изгнания помещиков и изгнания российских капиталистов» (это было написано 17 января 1923 г.). А российская университетская интеллигенция в количестве более 160 человек была изгнана ещё в 1922 году. Итак, «социализм» предполагалось строить не на созидательных подходах, а на негативных, разрушительных и сокрушительных акциях, которым подверглось потом крестьянство, у которого отобрали право на передвижение, лишили его паспортов, прикрепили к земле, т.е. ввели второе крепостное право (большевиков) = вкп(б). Вот так и произошло: «сначала ввязались в серьёзный бой» (хоть этого и не надо было делать)... а теперь уж нам видно стало, К ЧЕМУ это привело... в 80-е годы XX века и в 90-е...

В результате всех этих изгнаний и разрушений в стране к власти пришли силы, которые могли только разрушать и сокрушать, т.е. действовать по принципу «сила есть – ума не надо».

Чтобы при такой «методологии» сохранить себя у власти, потребовалось дальнейшее изобретение «врагов народа», «вредителей», «шпионов» и т.п. и дальнейшая политика ИЗГНАНИЯ, карания, уничтожения, то есть потребовался ГУЛАГ как способ производства и воспроизводства псевдосоциалистического образа жизни.

Могут возразить в том смысле, что, мол, построили Днепрогэс, Магнитку, ХТЗ, ЧТЗ и СТЗ и Кузбасс и авиационную и автомобилестроительную, и химическую промышленность и т.д. и т.п.: Беломорско-Балтийский канал, Волго-Дон и т.д. и т.п.

Но, во-первых, всё это есть не что иное как перенесение промышленной революции капитализма XVIII века на нашу почву под именем «индустриализации», и ничего социалистического по природе вещей в этом нет, ибо как раз человек при этой индустриалистской практике подвергался чудовищному отчуждению от человеческого образа жизни, от труда, от собственности, от власти и от человеческой нравственности и от человеческих ценностей.

Виктор Астафьев недавно в своём интервью латвийской газете «Советская молодёжь – сегодня» (см. № 181 и № 182 от 9 ноября 1991 г.) подчеркнул, что его всегда поражало, что люди в списке наличности на войне стояли в конце. «Сначала снаряды, горючее, а потом люди». – Интервью было дано журналу «Родина» – перепечатка «СМ» от 9/XI-91. – Вот это и есть проявление того античеловечного духа, который пронизывает всё наше общество: человек в нём на последнем месте. Созидание здесь – ценою «положения костей», а сами люди в массе своей не понимают, что это – античеловечно. Победа над Германией – это победа ценою «положения костей». Это – отнюдь не победа исторически высшего социального строя, это «победа» – плотью

и кровью, пиррова победа, от последствий которой, имеющих растянутый во времени характер, мы теперь и страдаем: положили 47 миллионов, а может, и больше только непосредственно в связи с войной. А ГУЛАГ унёс не менее 50 миллионов. А в гражданскую войну погибло 15 миллионов. И это называли социализмом...

2. И вот теперь, на фоне такого насилия и его результатов, выпендрились вдруг публицисты, юристы, политики и, главным образом, экономисты, которые утверждают, что единственное, что нас может спасти, – это РЫНОК. А что такое рынок? Рынок – это экономическое принуждение. – Уважаемый А.Н. Яковлев так прямо и сформулировал в одном из коротких интервью для TV в кулуарах заседаний в ВС. – Итак, следовательно, вся премудрость наших уважаемых реформаторов состоит в том, чтобы на место прямого гулаговского насилия поставить – опосредствованное (чем?) меновой стоимостью и силою денег – экономическое принуждение. И это – в стране, которая сверх всякой меры нахлебалась всяческого принуждения!

Есть национальное принуждение? Было и есть. Есть судебно-правовое принуждение? Было и есть. Есть армейское принуждение (= дедовщина)? Было и есть. Есть бюрократическое принуждение, когда замучают справками, резолюциями, подписями, печатями? Было и есть. Есть административное принуждение? Было и есть. И т.д. и т.п.

Возникает целая серия вопросов:

1. Является ли предлагаемое экономическое принуждение (= рынок) *адекватным способом* преодоления того положения, в котором находится наша страна в результате последних 80 лет её истории?

2. Обладают ли лица и структуры, подготавливающие переход к рынку, качеством быть способными к ответственности (в частности, по вопросу, каким способом в социально культурном отношении до́лжно способствовать реформе)?

3. Возможно ли при сохранении того чудовищно глубокого экономического отчуждения, которое у нас сложилось, в результате социально-культурной некомпетентности прежних руководящих структур, проводить реформацию чисто *экономическими* методами?

4. Не находятся ли сегодня лидеры реформы в таком положении, когда они решаются, что «сначала надо ввязаться в серьёзный бой» (за благосостояние народа), «а там уж видно будет»?

5. Возможно ли вообще, в принципе, экономические проблемы решать экономическим способом, ибо сама эта постановка вопроса тавтологична? И что значит само понятие «решать экономические проблемы» в конце XX века, когда жизнь всех народов оказалась вписанной в контекст «глобальных проблем»? Когда уже проклюнулась и грядёт послеэкономическая цивилизация?

6. Является ли реформирование нашего общества *фундаментальным* процессом, имеющим целью хотя бы смягчить экономическое отчуждение, или же представляет собой некую *модификацию* того, что есть, не меняя функциональной роли человека в качестве *средства* для производства товаров?

7. Не следует ли нам в связи с реформацией профилактически опасаться такого результата, когда появится нечто такое, чего никто не хотел?

Наше общество страдает прежде всего от того, что в нём не развита теоретическая функция и, в частности, нет критического мышления о самом мышлении, не выясняется проблема *адекватности* мышления ТОМУ состоянию социума, которое должно быть создано в силу объективных требований эпохи. Отсюда и проистекает, что юристы, политики, экономисты оперируют таким «гносеологическим капиталом», который является производным от прошлого состояния общества и несёт на себе все его существенные черты. В результате этого формируется, так сказать, «ретроспективное понимание будущего», то есть – перенесение на понимание будущего черт прошлого.

В наши дни исключительно большое значение приобретает проблема адекватного понимание будущего – как раз в связи с идеей рынка, которая доминирует ныне в умах очень многих людей настолько, что допустимо говорить об «экономическом обалдении». И здесь ох как важно не просчитаться.

Подобно тому как ленинский примитив с идеей «диктатуры пролетариата» в России привёл к диктатуре *люмпенизированного* пролетариата, а затем и к господству номенклатурной мафии, сросшейся с миром преступности (это-то и обнаруживает сегодня примитивизм и безответственность самой идеи и практики ленинской «диктатуры пролетариата»), продолженной в будущее после Ленина, так и абалкинский примитив с переходом к рынку (в который поверили и Н.И. Рыжков, и М.С. Горбачёв, и В.С. Павлов, и многие-многие другие политики, публицисты, политологи, юристы и т.д.) приведёт нас к люмпенизированному и мафиозированному рынку, о котором с предвосхищением его черт пишет Юнна Мориц (см. «Московские новости», № 47 от 24 ноября 1991 г., стр. 11, в статье «Не привязывайте крылья тигру»).

Этот рынок будет пожирать людей с не меньшей беспощадностью, чем сталинский ГУЛАГ.

Чтобы вновь не допустить трагедии национальной истории России, надо продумать истоки ПОНИМАНИЯ экономических отношений, в русло которых намереваются повернуть сегодня жизненный процесс народов нашей страны, как говорится, «некоторые теоретики и практики», *обладающие в отношении к вопросу о гуманизации общественной жизни*, скажем так – «психикой одноклеточных организмов». И хотя в нашей стране, как некогда латынь, марксизм из моды вышел ныне, необходимо со всей резкостью, по-русски, «не прибегая к латыни», сказать, что экономисты-классики подчёркивали «видимость человеческого в экономических отношениях», хотя они и делали это не вполне осознанно и «шатаясь из стороны в сторону». Но чаще всего, как отмечал Маркс, «они берут эти отношения как раз в их явно выраженном *отличии* от человеческого, в их строго экономическом смысле». (См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 35). Маркс подчеркнул (и это для нас сегодня особенно актуально!), что «Прудон раз и навсегда положил конец этой бессознательности» и колебаниям экономистов-классиков в отношении оценки экономического начала. «Он отнёсся серьёзно к *человеческой видимости* экономических отношений и резко противопоставил ей их *бесчеловечную действительность*» (см. там же).

Но у нас сегодня именно ИХ (экономических отношений!) *бесчеловечную действительность* НЕ видят и НЕ хотят видеть наши уважаемые экономисты, ПОТОМУ что они не обрели историзма мышления и никогда не получали гуманистического образования и воспитания, БУДУЧИ *всегда* при получении экономических знаний УТИЛИТАРНО ОРИЕНТИРОВАННЫМИ ЛЮДЬМИ, как это и практиковалось в нашей высшей школе и в нашем обществе всегда после октября 1917 года.

«Психика одноклеточных организмов» – это специально изобретённый термин, посредством которого имелось целью подчеркнуть, что переживаемая нами сегодня, в 90-е годы XX века, ситуация *столь сложна*, что применяемые к ней подходы (концентрирующиеся в понятии «рынок») представляют собой ПРИМИТИВ, который только и могла породить «психика одноклеточных организмов». Мы ведь сегодня имеем уже исторический опыт для оценки того, к ЧЕМУ привела ленинская идея «диктатуры пролетариата», которая фактически вылилась в практику бесконечного и пагубного «завоевания политической власти» ради политической власти, ибо более ничего Ленин не хотел и ничего плодотворно-гуманистического из этого не вышло и не могло выйти, ибо, имея власть, большевики не знали «куда её класть», то есть – к чему её прилагать. Прав Н.А. Бердяев, когда подчёркивает, что «Ленин не теоретик марксизма, как Плеханов, а теоретик революции. (Надо бы сказать – политической революции. – Н.Н.) Он никогда не разрабатывал программ. Он интересовался лишь одной темой, которая менее всего интересовала русских революционеров, темой о захвате власти, о стяжании для этого силы». (Бердяев Н.А. «Истоки и смысл русского коммунизма». М.: Наука, 1990, с. 96.) «Ленин – империалист, а не анархист. Всё мышление его было империалистическим, деспотическим. С этим связана прямолинейность, узость его миросозерцания, сосредоточенность на одном, бедность и аскетичность мысли, элементарность лозунгов, обращённых к воле» (см там же, с. 96, 97). Да и вообще невозможно преобразовать Россию, исходя из постулата о том, – как это сформулировал Ленин, – что «политика у нас не может не иметь первенства перед экономикой» и что политика должна быть концентрированным выражением экономики».

Всё это произошло от школярского (т.е. схоластического) усвоения западных экономико-теоретических учений, и только в наши дни обнаружилась фальшь, ложность и гибельность такого подхода для России.

Всё это оказалось фальшивым и бесплодным направлением умов, подпавших под влияние Ленина, потому что это не было оригинальным и выработанным из самих нужд и традиций России, не учитывало духа и характера её народа, а просто перенесено с Запада. Поэтому-то это и привело к практическому краху и ленинскую партию и сталинский социализм. Оказалось, что всё это – блеф (обман из хвастовства и расчёта на запугивание и на введение в заблуждение, словом – авантюризм), потому что ТО действительное преобразование, которое уже много десятилетий исторически необходимо России (начиная, пожалуй с 14 декабря 1825 г.) не может опираться на такие *мелкотравчатые* перемены, как захват политической власти (с которой потом не знают, что делать, ибо не знают природы российской истории и характера русского народа и не имеют в виду гуманистические перспективы, адекватные российскому социуму) да и на топтание вокруг *собственности* как основы экономики, тогда как России необходимо продвижение вперёд в становлении **новой культуры *деятельности***. А это значит, что России необходимо преобразование исторической *типологии* труда как субстанции социума, то есть – более

фундаментальные перемены, чем экономика, сосредоточенная вокруг *присвоения* ПРОДУКТОВ типологически-старого труда и не затрагивающая проблем преобразования труда как субстанции социума.

В непонимании всего этого и выражается тот тип мышления, который вполне заслуживает быть определённым как «психика одноклеточных организмов». Это, разумеется, сарказм. Но как иначе определить субъектов, дерзающих (без должной «амуниции») подвизаться в качестве субъектов реформирования России и полагающих на основе ИМЕЮЩЕГОСЯ у них экономического знания, что они действительно *знают*, КАК осуществить реформацию России, тогда как в действительности речь должна идти об *историческом* ВОЗРОЖДЕНИИ социума, никогда не бывшего сугубо экономическим образованием, социума, пережившего СВОЮ историю (начиная от татаро-монгольского ига и кончая ленинско-сталинской «диктатурой пролетариата») и оказавшегося сегодня вдруг в круговороте глобальных проблем (тоже не являющихся только экономическими)...

Вырабатывая сегодня *адекватную* модель ВОЗРОЖДЕНИЯ России, нельзя упускать из виду и то, что мир (человечество) сегодня головой стучится в такое будущее, в котором ТОВАР и *меновая стоимость* денег НЕ будут доминировать над *талантом* и ЦЕННОСТЬЮ человеческой личности, хотя экономически обалдевшему интеллекту и КАЖЕТСЯ, что экономические отношения (Т – Д – Т) приемлемы и допустимы у нас СЕГОДНЯ, так как они *чудятся* этому интеллекту – человеческими. Но вот – факт: никто (кроме торгашей, разумеется) не испытывает по этому поводу энтузиазма. Народ России интуитивно чувствует, что, введя рынок, мы введём диктатуру меновой стоимости, которая сама себе самодовлеет, т.е. когда стимулом будет не увеличение массы товаров, а стремление получать более высокую сумму стоимости за всё ещё дефицитную массу товаров.

Совершенно прав А. Салуцкий, когда пишет в своей статье «Полусредний класс», что когда у нас упоминают о миллиардных оборотах предпринимательского сектора, то почему-то не приходится слышать главную цифру, свидетельствующую об истинном положении дел – сумму производственных вложений (см. «Советская Россия», 30 ноября 1991 г., с. 2), ибо эти вложения – почти нулевые.

То, что мы сегодня переживаем как общество (если бы это выразить в образе корабля «без руля и без ветрил»), можно было бы назвать: «дрейф во время отлива»: нас относит всё дальше от цели, которую мы для себя ставим, как упомянутый корабль, дрейфуя, удаляется от берега, от бухты, к которым он стремился.

А разговоры «о рынке» всё продолжаются. Надо, наконец, догадаться хотя бы бросить якорь, если нет мотора, который позволил бы нам плыть к цели.

Проблемы и проблемная ситуация в стране заключается в конце концов в том, что НЕ МОЖЕТ БЫТЬ вообще какого-либо профессионального решения: ни через машиностроение (как полагал Н.И. Рыжков), ни через топливно-металлургический комплекс (как это казалось В.С.Павлову), ни через финансы, ни через «рынок» (как это чувствуется в стремлениях Г.Явлинского и многих других экономистов, ни через правовые акты, ни через политические акции (как это просматривается в попытках юристов и политиков).

Ни порознь, ни через всё это вместе НЕВОЗМОЖНО в *гуманистическом* духе реформировать ни наше общество, ни наше хозяйство! И особенно надо подчеркнуть, что *не удастся это и через рынок*, ибо, делая упор на рынок, мы вольно или невольно питаем в себе *кажимость* (иллюзию), что нам поможет экономический детерминизм и экономический профессионализм. А это – иллюзия, ибо проблемы, которые перед нами стоят, ЗАЛЕГАЮТ ГЛУБЖЕ. И по характеру своему они имеют более ОБЩИЙ содержательный состав: они разрешимы только через СМЕНУ самой парадигмы (образа) социальной жизни. Чтобы поднять машиностроение и т.д. и т.п., надо бороться не за машиностроение хотя бы и нового уровня, а изменить содержание стимулов и интересов людей, которые участвуют и в машиностроении, и в рынке, и в правовых отношениях и т.д. Нам надо изменить ДУХ общества, его форму и содержание – детерминанту ВСЕХ детерминант, нам надо дать людям *новый* ИДЕАЛ *и новый* СПОСОБ *его реализации, нам надо поставить человека выше товара*, разработать новый образ жизни. Что это за реформы, которые никого не вдохновляют и по-человечески не волнуют? Разве что торгашей они волнуют как торгашей, а потребителя как потребителя.

Где тот общественный подъём, который свидетельствовал бы, что реформаторы со своими программами «попали в точку» – в средоточие гуманистической перспективы, которая открывала бы людям их ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ (личностно-творческое) будущее?

Нетрудно вообразить оппонента, который выскажется в том смысле, что надо, мол, сначала накормить народ, а потом уж, по мере возможности, заниматься проблемами гуманизации общества.

На подобные возражения следует решительно разъяснять, что тезис, построенный в стиле: «сначала накормить, а потом заниматься гуманизацией образа жизни», – вообще не является мыслью, мыслительной функцией. Этот тезис есть порождение желудочно-кишечных импульсов, которым ПОНИМАНИЕ вообще чуждо. *Псевдомысль* (в духе «сначала, а потом...») свидетельствует об органической неспособности *понимать* наше общество в контексте сложнейших переплетений материальных жизненных отношений нашей эпохи и исторических тенденций мирового социального процесса.

По статистике на конец ноября 1991 года в мире умерло от СПИДа 428 тыс. человек, а к 2000 году умрёт ещё 3 млн. человек. И заболевание это разрастается в геометрической прогрессии. Не успели мы «привыкнуть» к факту последствий Чернобыльской аварии, как открылось, что в Челябинске произошло в четыре раза более грандиозное заражение радионуклидами окружающей среды. А теперь нечто подобное открылось в Иркутске. И это уже не говоря о том, что Белое и Баренцево море отравлены радионуклидами в такой мере, что рыба и другие продукты моря непригодны для употребления в пищу. И эти факты – только «вершина айсберга». То, что от нас скрыто, превосходит открывшееся нам в десятки раз!

Сегодня весь мир (а значит и наша страна!) находится в положении, которое в сущности совпадает с пословицей: «Пока взойдёт солнце, роса очи выест». Иными словами: пока мы будем заботиться о производстве средств к существованию, мобилизуя вчерашний исторический опыт западных стран, усваивая механизмы рынка, *сосредотачиваясь* ТОЛЬКО *на этом*, перестанут существовать сотни и тысячи миллионов тех, кого собирались накормить «мыслители» желудочно-кишечного типа, «реформаторы» с «психикой одноклеточных организмов», ДЛЯ

КОТОРЫХ (как, к сожалению, и для К. Маркса, от которого они восприняли ВСЮ свою «мудрость») труд выступает как «всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он независим от какой бы то ни было формы этой жизни, а напротив одинаково общ всем её общественным формам» (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 195).

Именно на этом понимании труда основывается «экономическое состояние ума» наших уважаемых реформаторов советской системы хозяйства и хозяйствования, ибо они *уверовали*, во-первых, что труд – это *физиологический* процесс (так как он-де опосредствует *обмен веществ* между человеком и природой) и, во-вторых, что труд – *вечный* и *естественный* процесс, не зависящий от какой-либо формы общественной жизни. И вот, УВЕРОВАВ в эти два признака труда, наши уважаемые реформаторы решили, что надо воспользоваться опытом Запада (и незачем-де «изобретать велосипед»), «ибо и социализму и капитализму присущ труд, производящий товары».

В этом и скрыта главная ошибка... Дело в том, что Запад в своей экономической изощрённости (маркетинг, менеджмент, индустриальная технология, применяемая в организации труда, использование антропологов в процессе оценки качества кадров и т.д.) – упускает из виду, что ныне нельзя больше довольствоваться просто наличным составом кадров, качество которых формируется и складывается стихийно, а необходимо *производство* кадров по заданной модели. Экономисты знают лишь группу А и группу В, и на этом кончается спектр их знаний. А сегодня необходимо нечто третье: производство способностей и талантов, т.е. группа С. И только через неё можно разрешить противоречия нашей фазы истории.

Но решать все новые теоретические и практические проблемы станет психологически возможным только в том случае, если народ, страна отвергнут ленинско-сталинское прошлое В ПРИНЦИПЕ – как неприемлемое и недостойное. И поэтому не может быть речи о сохранении большевистских захоронений на Красной площади в Москве. С этим надо покончить, чтобы можно было покончить как с гулаговским принуждением (символом почтения которого остаются большевистские могилы на Красной площади), так и с экономическим принуждением (через «рынок»), которое хотят теперь ввести экономисты.